

Город под двумя лунами

Стивен Хартман

Стивен Хартман

Город под двумя лунами

<https://litres.ru/74493017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую осень Астэр выбирает одного. Он уходит в Храм Семи Домов — и не возвращается. Так было триста лет. Так должно быть всегда.

Лея Варрен, реставраторша книг, находит то, что не должна была найти. Древний манускрипт с одной фразой, которая меняет всё: жертвы не нужны.

Через три дня её начальник мёртв. Архив перевёрнут вверх дном. А Лея понимает, что теперь охотятся на неё.

Её единственный союзник — Рейн Арден. Офицер стражи. Сын человека, который отдаёт приказы. Он знает систему изнутри и хочет её сломать. Но у него есть своя тайна — и своя цена за правду.

Вместе они должны собрать семь фрагментов древнего договора. Семь частей лжи, за которые кто-то готов убивать. Но чем ближе разгадка, тем яснее Лея понимает: правда может стоить дороже, чем жизнь.

Тёмное фэнтези о городе, который слишком долго жил во лжи. И о двоих, кто рискнул её узнать.

Содержание

ГЛАВА 1. Осенний жребий	4
ГЛАВА 2. Запечатанный фрагмент	10
ГЛАВА 3. Кровь на камне	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стивен Хартман

Город под двумя лунами

ГЛАВА 1. Осенний жребий

Пальцы пахли клеем и старой бумагой — запах въелся так, что Лея перестала его замечать. Она провела кистью по корешку, аккуратно, чуть касаясь, и отложила том на просушку. Окно реставрационной мастерской выходило во двор библиотеки, туда, где росла одинокая ива. Сейчас, в начале октября, её ветви уже желтели, и ветер срывал листья один за другим, укладывая их на мокрые камни.

За окном сгущались сумерки. Две луны ещё не взошли, но небо уже темнело — не синело, а именно темнело, будто город накрывало тяжёлой тканью. Лея знала: через час на площади Семи Домов зажгут факелы. Через два — объявят имя.

Она не хотела об этом думать.

— Варрен, ты ещё здесь?

Голос старшего хранителя мастерской, Торена, прозвучал глухо — он всегда говорил так, будто слова давались ему с трудом. Лея обернулась. Торен стоял в дверях, сутулый, с редкими седыми волосами и вечно усталым лицом. Он был стар, но не дряхл — просто выглядел так, словно прожил

слишком много и видел слишком многое.

— Заканчиваю, — ответила Лея. — Ещё один корешок, и всё.

Торен кивнул, но не ушёл. Он смотрел на неё — долго, тяжело, и Лея почувствовала, как что-то сжалось в груди.

— Сегодня жребий, — сказал он наконец. — Иди домой. Не задерживайся.

Лея не ответила. Она вытерла руки о фартук, сняла его и повесила на крючок у двери. Торен отступил, пропуская её, и она вышла в коридор, где пахло пылью и воском. Библиотека была старой, с высокими сводами и узкими окнами, и сейчас, в сумерках, казалась ещё больше, чем днём. Лея шла быстро, не оглядываясь, и слышала за спиной тихие шаги Торена. Он провожал её взглядом — она знала, хотя и не видела.

На улице было холодно. Ветер трепал подол плаща, и Лея поёжилась, затягивая воротник. Город готовился. На фонарях висели чёрные ленты, и в окнах домов горели свечи — не яркие, а тусклые, будто люди боялись привлечь внимание. Никто не хотел, чтобы жребий пал на них. Никто не хотел думать о том, что это может случиться.

Лея свернула в переулок, потом ещё в один. Их дом стоял у канала, в старом квартале, где улицы были узкими, а здания — покосившимися. Когда-то здесь жили ремесленники, но теперь остались только те, кому некуда было уйти. Лея и Дариан жили здесь с тех пор, как умерли родители — пятнадцать лет назад, когда Лее было шестнадцать, а Дариану —

восемнадцать. Он растил её сам, без чужой помощи, и она никогда не спрашивала, чего это ему стоило.

Дверь была не заперта. Лея толкнула её и вошла. В комнате пахло супом и дымом — Дариан сидел у очага, подбирая дрова. Он обернулся, услышав шаги, и Лея увидела его лицо — жёсткое, с резкими скулами и тёмными глазами, которые всегда казались настороженными. Он был высоким, широкоплечим, и в его движениях чувствовалась сила, которую он никогда не показывал без нужды.

— Поздно, — сказал он вместо приветствия.

— Дорабатывала, — ответила Лея, снимая плащ. — Торен велел уходить. Сказал, что жребий сегодня.

Дариан молчал. Он смотрел на огонь, и Лея не видела его лица, но знала: он тоже думает об этом. Каждый год, в одно и то же время, город собирался на площади, и один человек уходил в Храм Семи Домов. Никто не знал, что там происходило. Никто не возвращался. Говорили, что это древний договор, что жертва защищает Астэр от угроз, которые город не переживёт, что без неё всё рухнет. Лея слышала это с детства, и слова давно перестали что-то значить. Они просто были — как две луны на небе, как холодный ветер осенью, как запах клея на её пальцах.

— Ты ела? — спросил Дариан, не поворачиваясь.

— Нет.

Он встал, налил ей суп из котелка и поставил миску на стол. Лея села, взяла ложку, но есть не стала. Она смотрела

на окно, за которым темнело небо, и думала о том, что через час на площади зажгут факелы.

— Не пойдёшь, — сказал Дариан. Это не было вопросом.

— Не пойду, — согласилась Лея.

Он кивнул, но в его глазах было что-то ещё — облегчение, может быть, или усталость. Лея не знала. Она никогда не умела читать его лицо.

Они ели молча. Суп был горячим, с морковью и луком, и Лея чувствовала, как тепло разливается по телу. Дариан ел быстро, не отрываясь, и когда закончил, сразу встал и начал убирать посуду. Лея смотрела на его спину, на широкие плечи, на крупные руки, которые двигались уверенно, без лишних движений. Он всегда был таким — собранным, контролирующим всё вокруг. Иногда она думала, что он слишком много на себя берёт. Иногда — что он просто боится отпустить.

— Завтра тебе принесут новую партию, — сказал Дариан, не оборачиваясь. — Я просмотрел список. Там ничего сложного.

Лея кивнула, хотя он не видел. Дариан работал в архивах главной библиотеки, в закрытом отделе, куда пускали только по особому разрешению. Он фильтровал материалы, решал, что можно отдать на реставрацию, а что нужно оставить под замком. Лея не знала, по каким критериям он это делал, и не спрашивала. Это была его работа, его ответственность. Она просто реставрировала то, что он передавал.

За окном что-то ударило — глухо, один раз. Лея вздрогнула. Дариан повернулся, и она увидела, как его лицо на мгновение напряглось.

— Ветер, — сказал он. — Просто ветер.

Лея не ответила. Она встала, подошла к окну и выглянула наружу. Канал был пуст, вода чёрная, неподвижная. На противоположном берегу горел одинокий фонарь, и его свет дрожал, будто вот-вот погаснет. Над городом поднималась первая луна — большая, жёлтая, с рваными краями кратеров. Вторая взойдёт позже, ближе к полуночи. Они никогда не всходили вместе.

— Лея.

Она обернулась. Дариан стоял рядом, и в его глазах было что-то, чего она не могла назвать.

— Что бы ни случилось, — сказал он тихо, — оставайся дома. Не выходи. Не до утра.

Лея нахмурилась.

— Почему?

— Просто обещай.

Она смотрела на него, пытаясь понять, но его лицо было закрытым, непроницаемым. Он ждал, и Лея поняла, что он не отступит.

— Хорошо, — сказала она. — Обещаю.

Дариан кивнул и отошёл. Лея осталась у окна, глядя на канал, на луну, на пустые улицы. Где-то вдалеке послышался колокол — глубокий, протяжный звук, который прокатился

над городом и затих. Лея знала: это значит, что жребий брошен. Кто-то уже идёт в Храм Семи Домов. Кто-то уже знает, что не вернётся.

Она отвернулась от окна и пошла к своей комнате. Дариан сидел у очага, смотрел в огонь, и Лея чувствовала его взгляд на своей спине, тяжёлый, настороженный. Она закрыла за собой дверь, разделась и легла на кровать. В комнате было холодно, и она укрылась одеялом по самый подбородок. За окном поднималась вторая луна — меньше первой, белая, с острыми краями. Две луны висели над городом, и Лея смотрела на них, пока глаза не начали слипаться.

Она не знала, что завтра всё изменится. Что через три дня её жизнь разлетится на куски, как старый корешок под неосторожным прикосновением. Она просто лежала в темноте, слушала, как потрескивает огонь в очаге, и думала о том, что жребий брошен, и кто-то уже идёт умирать.

И что это не она.

Пока не она.

ГЛАВА 2. Запечатанный фрагмент

Пергамент пах плесенью и чем-то ещё — горьким, металлическим, будто кто-то когда-то давно пролил на него кровь и плохо смыл. Лея развернула свёрток осторожно, держа края пинцетом. Реставрационный стол был завален работой: три партии манускриптов из закрытого хранилища, все помечены грифом «Третий уровень доступа», все прошли через руки Дариана. Он фильтровал материалы для городского архива больше десяти лет, и за это время ни разу не ошибся. Ни разу не пропустил в общий оборот то, что должно было остаться за замками.

Но сегодня в партии оказалось что-то лишнее.

Лея поняла это сразу, как только развязала шнурок. Печать на обороте была не городской — древняя, стёршаяся, с оттиском, который она видела только в самых ранних образцах, тех, что датировались временем до договора. Восковая лепёшка треснула пополам, когда она прикоснулась к ней кистью, и под пальцами осталась тонкая серая пыль.

Текст был написан на старо-наречии, языке, который учили только архивариусы высшего ранга. Лея знала его плохо, на уровне чтения, не перевода, но даже беглого взгляда хватило, чтобы почувствовать холод в затылке.

«Договор седьмого года не требует крови. Магия передаётся по линии рода. Жертва — установление, принятое ста-

рейшинами для укрепления власти».

Она перечитала. Потом ещё раз. Буквы были чёткими, без исправлений, написаны твёрдой рукой человека, который не сомневался в том, что говорит. Внизу стояла подпись — размашистая, почти неразборчивая, но с печатью дома Каррен, одного из семи. Дата: триста двадцать лет назад, через пять лет после того, как жертвоприношения стали ежегодными.

Лея опустила пинцет. В мастерской было тихо. За окном шумел осенний ветер, гнал по мостовой жёлтые листья, где-то внизу, у канала, скрипели цепи на баржах. В библиотеке почти никого не оставалось — поздний час, дежурная смена. Она сидела одна, в узком кабинете под самой крышей, где пахло клеем, старой бумагой и сырым камнем, и держала в руках текст, который не должен был существовать.

Жертвы никогда не были нужны.

Всё это время — триста лет, тысячи людей, отданных осенью под две луны, — всё это было ложью. Магия домов передавалась по крови, как цвет глаз, как форма ладоней. Никакого обмена, никакой платы. Только страх, выстроенный так крепко, что город жил с ним, как с костылём, не представляя, что можно иначе.

Лея встала. Подошла к окну, распахнула его, втянула воздух полной грудью. Холодный, с запахом реки, дождя и дыма из труб на южной стороне. Астэр лежал внизу — кривые улочки, острые крыши, фонари вдоль набережных. Город под двумя лунами. Город, который каждый год выбирал

кого-то из своих и отдавал, потому что так было всегда, потому что иначе, говорили старейшины, магия угаснет, дома падут, а с ними рухнет всё.

Она закрыла окно. Вернулась к столу, аккуратно свернула пергамент, положила его в чистый футляр. Руки дрожали. Она сжала пальцы в кулаки, подождала, пока дрожь не прошла. Потом достала из ящика восковую пластину, зажгла свечу, капнула воск на край футляра и запечатала. Без подписи, без грифа. Просто чтобы не потерять, не перепутать с остальными.

Надо было идти к старшему архивариусу.

Лея знала Кассиана Нерода больше трёх лет. Он был сухим, педантичным человеком с вечно поджатыми губами и привычкой делать пометки на полях каждого документа, который проходил через его руки. Она не любила его, но уважала: он знал архив лучше, чем кто-либо ещё, и никогда не путал память с догадкой. Если кто и мог сказать, что делать с находкой, то только он.

Она поднялась на четвёртый этаж. Кабинет Нерода был в дальнем крыле, там, где библиотека переходила в старую башню, построенную ещё до договора. Дверь была приоткрыта, внутри горел свет. Лея постучала. Услышала короткое «войдите», толкнула створку.

Нерод сидел за столом, заваленным бумагами. Перед ним лежала раскрытая книга, толстая, в потрескавшемся переплёте. Он поднял глаза — серые, водянистые, без тепла.

— Варрен. Поздновато.

— Мне нужно вам кое-что показать, — сказала Лея. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

Нерод откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди. Подождал. Лея подошла ближе, достала футляр, положила на стол перед ним. Сняла печать. Развернула пергамент.

— Это пришло в партии из закрытого хранилища. По ошибке, думаю. Но текст... текст говорит о том, что жертвоприношения никогда не были частью договора. Что магия домов передаётся по крови, а обряд — выдумка.

Она замолчала. Нерод смотрел на пергамент. Долго, не моргая. Потом взял его, поднёс ближе к свече, прищурился. Прочитал. Перевернул, посмотрел на печать. Лицо его не изменилось — ни удивления, ни страха, ничего. Только губы стали тоньше.

— Где вы это нашли? — спросил Нерод наконец. Голос ровный, сухой, как песок.

— В партии, которая пришла через моего брата. Дариан курирует закрытые материалы, вы знаете. Думаю, это попало туда случайно. Кто-то перепутал маркировку.

Нерод молчал. Смотрел на пергамент, потом на неё. Глаза его были пустыми, как у мёртвой рыбы.

— Варрен, — сказал Нерод медленно, — вы понимаете, что держите в руках?

— Понимаю.

— И вы решили, что правильно будет прийти сюда, ко

мне, и показать это?

— Вы старший архивариус. Если кто-то и должен знать, что делать с такими находками, то вы.

Нерод усмехнулся. Коротко, без улыбки. Положил пергамент на стол, разгладил края ладонями.

— Что делать, — повторил он. — Да. Что делать. — Он поднялся. Прошёлся по кабинету, остановился у окна, посмотрел вниз, на город. Помолчал. Потом обернулся. — Варрен, вы хороший реставратор. Аккуратная, точная. Я ценю вашу работу. Но сейчас я скажу вам одну вещь, и вы должны меня услышать.

Лея стояла, не двигаясь. В груди стучало сильно, неровно.

— Забудьте об этом, — сказал Нерод. — Забудьте, что видели этот текст. Верните его мне, я помещу его туда, где ему положено быть. И никому ни слова. Никому. Ни брату, ни коллегам, ни друзьям. Это не ваше дело.

— Не моё дело? — Лея шагнула вперёд. — Там написано, что жертвы не нужны. Что людей убивают ради лжи. Как это может быть не моим делом?

— Потому что вы не понимаете, что стоит за этими словами. — Нерод говорил тихо, но в голосе его появилась сталь. — Вы думаете, это первый подобный документ? Вы думаете, никто до вас не задавался этим вопросом? Система существует триста лет. Она держит город. Она держит дома. Она держит нас всех. И если вы попытаетесь расшатать её, вы не станете героем. Вы просто умрёте.

— Вы знали, — сказала Лея. Слова вышли сами, острые, как осколки. — Вы знали. Давно. И молчали.

Нерод не ответил. Просто смотрел на неё — долго, тяжело. Потом протянул руку к пергаменту, но Лея успела свернуть лист раньше. Она прижала его к груди. Нерод не стал отнимать находку силой; только лицо его стало ещё жёстче.

— Идите домой, Варрен, — сказал Нерод. — Забудьте об этом разговоре. И если вам дорога ваша жизнь, не задавайте больше вопросов.

Лея стояла. Хотела что-то сказать — закричать, ударить, потребовать, — но слова застряли в горле. Она развернулась и вышла. Дверь за ней закрылась с глухим стуком.

Коридор был пуст. За окнами темнело — осенние сумерки, густые, холодные. Лея спустилась на третий этаж, потом на второй, потом вышла наружу, в тёмный двор библиотеки. Ветер бил в лицо, нёс запах дождя и канала. Она прислонилась к стене, закрыла глаза, глубоко вдохнула.

Нерод знал. Знал и молчал. А значит, не только он. Значит, кто-то ещё, кто-то выше, кто-то, кому выгодно, чтобы город продолжал бояться, продолжал приносить жертвы, продолжал верить в ложь, на которой всё держится.

Лея открыла глаза. Посмотрела вверх, на небо. Две луны всходили над крышами — одна большая, бледная, другая меньше, с красноватым отливом. Город под двумя лунами. Город, построенный на крови и лжи.

Она пошла домой. Шла быстро, не оглядываясь, сжав ру-

ки в карманах. Голова гудела. В ушах стучало. Надо было рассказать Дариану. Надо было найти кого-то, кто поверит. Надо было что-то делать.

Но сначала — просто дойти. Просто добраться до дома. Просто продержаться до завтра.

Она не знала, что через три дня Кассиана Нерода найдут мёртвым, а архив перевернут вверх дном. Не знала, что кто-то уже следит за ней. И не знала, что выбора у неё больше не будет.

ГЛАВА 3. Кровь на камне

Лея узнала о смерти Кассиана Нерода на третий день после того, как показала ему фрагмент.

Она шла на работу по привычному маршруту — вдоль канала, мимо рыбных рядов, где торговцы уже разбирали лёд, потом через узкую арку в Книжный квартал. Утро пахло сырым камнем и дымом из пекарен. Две луны ещё не ушли с неба до конца, бледные пятна над крышами, словно кто-то забыл их стереть.

У ворот библиотеки стояла стража.

Лея замедлила шаг. Трое мужчин в тёмно-синих плащах, с гербами дома Эллария на груди — щит и две перекрещённые стрелы. Один из них курил, прислонившись к каменной колонне. Второй что-то записывал. Третий разговаривал с Миррой, помощницей главного библиотекаря. Мирра была бледная, руки сжимала перед собой, будто молилась.

Лея остановилась за углом соседнего дома. Сердце билось быстро, неровно. Она не знала, что именно произошло, но чувствовала — это связано с ней.

— Кассиан Нерод найден мёртвым в своём кабинете сегодня утром, — донёсся голос стражника. Громкий, равнодушный. — Сердце. Говорят, работал допоздна, не уходил домой. Но в архиве всё перевёрнуто. Кто-то искал что-то.

Мирра прижала ладони ко рту. Лея отступила ещё на шаг,

спиной касаясь холодной стены.

Кассиан мёртв.

Она видела его три дня назад. Принесла фрагмент вечером, когда все ушли. Развернула его на его столе — тонкий пергамент с выцветшими строками, которые она восстанавливала по крупицам. Он читал долго, водя пальцем по строкам, и лицо его каменело с каждым абзацем.

— Где ты это взяла? — спросил он.

— Из партии, которую передал брат. Она была запечатана, но печать повредилась при перевозке. Я не знала, что там...

— Молчи, — оборвал он. — Никому ни слова. Ты понимаешь? Никому.

Он был напуган. Она это видела. Кассиан никогда не боялся — даже когда в библиотеку приходили проверки из домов, он встречал их с холодной учтивостью, без единой трещины в голосе. А тогда, три дня назад, его руки дрожали, когда он запирал фрагмент в ящик стола.

Лея развернулась и пошла прочь. Быстро, но не бегом. Бежать — значит привлечь внимание. Она свернула в переулок, потом ещё в один, пока шум рынка не остался позади. Остановилась у стены, прислонилась лбом к камню. Дышала через силу, будто воздух стал вязким.

Кассиан мёртв. Архив обыскан. Кто-то искал фрагмент. Кто-то узнал.

Она вспомнила, как он сказал «молчи». Вспомнила, как он потребовал забыть о фрагменте и пытался заставить её

оставить находку. Если они обыскивали архив, значит, нашли. И если нашли, то знают, что кто-то принёс его Кассиану. Знают, кто.

Ей нужно было уйти. Сейчас. Домой нельзя — там её найдут первой. К Дариану тоже нельзя, он работал в административном крыле, его контролировали дома. Ей нужно было...

Она не знала, что ей нужно.

Лея выпрямилась, вытерла лицо рукавом. Пошла дальше, стараясь не думать. Ноги сами несли её через знакомые улицы — мимо ткацких мастерских, мимо старой часовни с обвалившейся крышей, мимо дома, где она снимала комнату. Она даже не взглянула на окна. Просто прошла мимо.

К вечеру она добралась до Южной набережной. Здесь воздух был другим — тяжёлым, пропитанным запахом тины и рыбы. Канал тёк медленно, чёрный, будто масло. На мостках сидели грузчики, пили дешёвое вино из глиняных кружек. Лея прошла мимо, опустив голову.

Ей нужно было подумать. Найти место, где можно переночевать. Понять, что делать дальше.

Но думать не получалось. В голове крутилось одно: Кассиан мёртв. Он знал правду, и его убили. Или — нет, сказали «сердце», может, и правда сердце? Может, она придумывает? Может, это совпадение?

Она остановилась у края набережной, посмотрела на воду. Две луны отражались в ней искажёнными пятнами. Ко-

гда-то мать говорила ей, что луны — это глаза богов, и они всё видят. Лея тогда верила. Сейчас она не верила ни во что.

— Лея Варрен?

Голос прозвучал за спиной. Мужской, спокойный. Она обернулась.

Двое. Оба в серых плащах, без гербов. Один высокий, с широкими плечами и тяжёлым подбородком. Второй — худой, с острыми скулами и тёмными глазами. Они стояли в нескольких шагах, руки по швам. Не угрожающе. Почти вежливо.

— Вам нужно пройти с нами, — сказал высокий. — Несколько вопросов. Формальность.

Лея отступила на шаг. Спиной почувствовала край набережной — камень, холодный и мокрый.

— Какие вопросы?

— О вашей работе. О материалах, которые вы реставрировали. Ничего страшного.

Он шагнул вперёд. Лея отступила ещё. Пятка соскользнула с края. Она качнулась, поймала равновесие.

— Не усложняйте, — сказал худой. Голос у него был тихий, почти ласковый. — Мы не хотим проблем. Вы тоже не хотите.

Лея посмотрела на них. Потом на канал за спиной. Вода была чёрной, холодной. Она умела плавать не очень хорошо — только так, чтобы не утонуть. Но если они схватят её здесь, на набережной, она не узнает, что случилось с Касси-

аном. Не узнает, кто за этим стоит. Не узнает, прав ли был фрагмент.

Она прыгнула.

Вода ударила, как камень. Холод пронзил грудь, выбил воздух. Лея нырнула глубже, гребла руками, не зная, в какую сторону плыть. Течение тянуло её вниз, одежда тяжеле-ла, становилась свинцом. Она вынырнула, вдохнула, снова ушла под воду. Слышала крики сверху, но не разбирала слов.

Всплыла уже далеко от набережной. Цеплялась за деревянные сваи старой пристани, кашляла, давилась водой. Пальцы онемели, не слушались. Лея подтянулась, вскарабкалась на мокрые доски. Лежала, дрожа всем телом.

Сзади слышались шаги. Она обернулась — никого. Только тени между складами. Лея поднялась, пошатываясь. Платье липло к телу, волосы стекали холодными струями. Она сделала шаг, потом ещё. Ноги не держали.

Нужно было идти. Куда угодно. Только не оставаться здесь.

Она шла по узким улицам между складов, спотыкаясь о камни. Город был тёмным, только редкие фонари горели тусклым жёлтым светом. Где-то вдалеке лаяла собака. Где-то хлопнула дверь.

Лея не помнила, как добралась до старого квартала у восточной стены. Помнила только, что ноги сами несли её, будто знали дорогу. Здесь дома стояли так близко, что крыши почти смыкались. Улицы были узкими, кривыми. Пахло му-

сором и прелой соломой.

Она нашла заброшенный сарай в конце тупика. Дверь держалась на одной петле. Внутри было темно, пусто. Лея опустилась на пол, прижалась спиной к стене. Дрожь не отпускала.

Кассиан мёртв. Она в бегах. Они знают её имя.

Она закрыла глаза. Попыталась дышать ровно. Не получилось.

Когда-то она думала, что худшее, что может случиться, — это потерять работу. Или чтобы жребий пал на кого-то из близких. Теперь она поняла: худшее — это знать правду, которую никто не хочет слышать. Худшее — это быть той, кто её узнал.

Она провела ночь в сарае, свернувшись калачом на холодном полу. Спала урывками, просыпаясь от каждого шороха. К утру платье почти высохло, но холод вьелся глубже, в кости. Лея встала, выглянула наружу. Улица была пуста. Небо светлело, серое, низкое. Две луны уже скрылись.

Ей нужно было решить, что делать дальше. Вернуться нельзя. Уйти из города — тоже. Стража проверяет все ворота, особенно перед жертвоприношением. Остаётся одно — найти того, кто поможет. Кто-то должен знать больше. Кто-то должен понимать, что происходит.

Но кто?

Лея вышла из сарая, медленно пошла вдоль стены. Город просыпался. Торговцы открывали лавки, женщины нес-

ли вёдра к колодцам. Никто не смотрел на неё. Она была никем — ещё одной бледной девушкой в грязном платье, бредущей неизвестно куда.

Может, так и лучше.

Она шла, не зная, куда идёт. Просто шла. И где-то в глубине, под страхом и усталостью, шевелилось что-то упрямое, злое. Кассиан мёртв. Но фрагмент был настоящим. И если его убили за правду, значит, правда того стоит.

Лея сжала кулаки. Ногти впились в ладони.

Она найдёт, кто за этим стоит. Она узнает, почему. И она докажет, что фрагмент не лгал.

Даже если ей придётся бежать до конца жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.